

БЫТИЙНЫЙ СЮЖЕТ В ЛИРИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ А.С. ПУШКИНА

Лобарева В.С., Бахор Т.А., Зырянова О.Н.

Лесосибирский педагогический институт – филиал ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет», (663542, Лесосибирск, Красноярского края, ул. Победы, 42), e-mail: v.lobarewa2010@yandex.ru

В статье исследуется сюжет лирического цикла А.С. Пушкина «Подражания Корану», наиболее «загадочного» во всей его лирике. Авторы статьи считают, что поэт выстроил текст, который своими частными смыслами может быть понят неискушенным читателем, а концептуальность цикла выявляется в результате научного синтеза идейного содержания его дискретных частей. Нравственные законы бытия, обнаруженные исследователями в произведениях цикла, объясняют универсальный характер мировосприятия поэта. Установление внутренних связей между отдельными произведениями цикла позволило авторам статьи прочитать цикл как единый текст с бытийным сюжетом, отражающим сложный путь приобщения человека к мировому духовному опыту – божественной истине. Рассмотрение цикла Пушкина в широком контексте позволяет увидеть в нем новые смысловые узлы и образы-детали.

Ключевые слова: цикл, подражание, текст, сюжет, речь, поэт, вымысел, легенда, безверие, богоборчество, богоискательство.

EXISTENTIAL STORY IN LYRICAL CYCLE OF A.S. PUSHKIN

Lobareva V.S., Bahor T.A., Zyryanova O.N.

Lesosibirsk Pedagogical Institute – the branch of Siberian Federal University, Lesosibirsk, Russia (662543, Krasnoyarski krai, Lesosibirsk, 42 Pobedy st.)

The article is devoted to the story of lyrical cycle of A.S. Pushkin "imitation of the Koran", the most "mysterious" story in all of his lyrics. The authors of the article suppose that the poet had built the text which individual meanings can be understood by unsophisticated reader, and conceptuality of the cycle detected as the result of scientific synthesis of the ideological content of its discrete parts. The moral laws of life which the researchers discovered in the works of the cycle explain universal character of the worldview of the poet. The establishment of the internal connections between the separate works of the cycle has allowed the authors to read cycle as a single text with common plot, reflecting the difficult path of initiation of man to the world spiritual experience - divine truth. The review of the cycle of Pushkin in the wider context allows reader to see in it the new semantic units and image details.

Keywords: cycle, imitation, text, story, speech, the poet, the myth, the legend, the prophet, the struggle against God, the god-seeking.

Научные обоснования художественного цикла, сложившиеся в современном литературоведении, широко используются в исследовательской практике, поскольку циклизация – это живой процесс в разных видах искусства. А. Белый понимал цикл как производную, некую «результанту творящего и воспринимающего сознания», так как «каждое стихотворение преломляемо всем рядом смежно-лежащих стихотворений; и весь ряд слагается в целое, не открываемое в каждом стихотворении, взятом порознь» [1]. Лексическое значение слова «цикл» принуждает же нас к рассмотрению расположения произведений в виде замкнутой цепи, звенья которой неразрывно переплетены между собою. Только в такой конфигурации может одинаково проявляться указанная А. Белым связь отдельного произведения со «смежно-лежащими».

Теоретическое обоснование А. Белого о смыслопорождающих связях в цикле продуктивно использовано в исследовании внутренних связей прозаического цикла А.С.

Пушкина («Повести... Белкина») [2]. В предлагаемом исследовании авторы избрали для научного описания лирический цикл «Подражания Корану» [6].

Тот факт, что Пушкин сам пронумеровал и объединил под одним названием девять стихотворений, бесспорно, свидетельствует о «Подражаниях Корану» как собранном цикле. Используя содержание многих сур Корана, поэт выстроил текст, который своими частными смыслами может быть понят даже неискушенным читателем, а концептуальность цикла выявляется в результате научного синтеза идейного содержания его дискретных частей.

Формальной особенностью «Подражаний Корану», влияющей на понимание смысла цикла, является количество отдельных текстов, звеньев цепи. Символическое значение этого числа истолковано в специальной литературе: девять характеризует мироустройство, гармонию, рай на земле, духовное совершенство, совершенство идеи, жизнь как борьбу и др. Этот символ универсума и истины актуализирует важнейшую идею пушкинского цикла.

Причины динамических процессов в отношениях человека с богом Пушкиным раскрываются последовательно в подражаниях цикла. Вхождение человека в сознательную жизнь – это сакральный акт, в котором проявляются природные начала (чувства) и культурный опыт (разум) человека. Как он будет этим распоряжаться, зависит от самого человека и окружающего мира.

В первом подражании «Клянусь четой и нечетой ...» Алла (поэт в примечании указал на имя говорящего) перечислил, что он сделал для человека, а именно: ввел его в мир, «язык одарил могучей властью над умами» (даровал ему слово). Далее бог наметил жизненные ориентиры для человека: каждый, пришедший в мир по воле бога, уразумевший слово бога (нравственные законы), должен идти «стезей правды» и поддерживать в окружающем мире веру в божественную истину: «...мой Коран// Дрожащей твари проповедуй». Здесь значимым является признание богом того, что некоторые люди способны забывать слово бога (глагол, язык) и превращаться в бессловесную тварь. Под «тварью» же следует понимать тех, кто потерял связь с богом как ориентиром в жизни; с другой стороны, тварью может быть назван и тот, кто не сумел еще постичь слово бога (нравственные законы), будучи при этом его творением.

Второе подражание «О жены чистые пророка...» содержит описание окружающего мира и поведение вступающего в него человека. Алла свидетельствует о том, что мир (жизнь) полон соблазнов. Он призывает «чистых» жен хранить свои сердца для «нег законных и стыдливых», а мужей «не пожелать жены чужой». Целомудрие и смирение жен и мужей – те добродетели, которые подвергаются сложнейшим испытаниям на прочность в любом возрасте, особенно в юном. Итак, смысл этого подражания сводится к следующему: человек склонен к потере добродетелей, то есть его внутренний голос (слово бога-совести) не

обладает такой силой звучания, чтобы мог заглушить в человеке природные (непросвещенные) чувства. Важно отметить, что нравственный закон, призывающий к целомудрию и смирению (воздержанию), совсем не убивает чувства человека, а стремится утвердить гармонию телесного и духовного, поэтому он призывает к «негам законным и стыдливим». Так, период создания цикла «Подражания Корану» поэт начинает по-иному осознавать цель искусства, заключающуюся, по его мнению, в сотворении идеала.

В третьем подражании «Смутясь, нахмурился пророк...» содержатся размышления о том, как в окружающем мире трудно сохранять душевный покой и свободу тем, кто познал нравственные законы. Алла раскрывает человеку глаза на то, что все люди по природе равны и нет причины для противопоставления одного другому.

В 1823 году Пушкин написал стихотворение «Свободы сеятель пустынный...», которое не отдал в печать. Осознавая свою судьбу в контексте судьбы отечества, лирический герой стихотворения сожалеет о потраченном напрасно времени, с горечью осознает роковую судьбу непросвещенного народа: «В поработанные бразды// Бросал живительное семя –// Но потерял лишь только время <...>// Паситесь, мирные народы!// Вас не разбудит чести клич...». В то же время в его словах ощущается прорывающаяся гордыня, взгляд на «мирные народы» свысока. Об этом смертном грехе предупреждается тот, кто соприкасается с истиной. Познание нравственных законов (путь пророка) – это духовное восхождение, оно не должно стать поводом для возвышения над другими: «С небесной книги список дан// Тебе, пророк, не для строптивых; // Спокойно возвещай Коран, // Не понуждая нечестивых». В заключительной части подражания указан посланником бога финал жизненного пути человека: «Все пред бога притекут <...>». Следует понимать, что эта метафизическая идея имеет связь не только с третьим подражанием, но может быть вписана в смысл всего цикла.

В четвертом подражании «С тобою древле, о всеильный...» раскрывается самый драматический этап взаимоотношений человека с богом. Человек в своем пути к богу может быть одержимым гордыней и утверждать, что он равен (не подобен) богу и не нуждается в его поддержке: «Я также, рек он, жизнь дарую, // И также смертью наказую: // С тобою, боже, равен я». Чтобы раскрыть ложность этих мыслей, Пушкин использовал библейскую легенду о договоре между богом и престольным ангелом (впоследствии названным падшим, отпавшим от бога): всевышний предложил одержимому гордыней «могучему» (могущему, то есть способному на действия) сотворить свой мир: «Подъемлю солнце я с востока; // С заката подыми его!». Истинность бога как первопричины миропорядка, безусловно, стала понятной «могучему», и поэтому «смолкла похвальба порока».

В сознании человека наступает переломная фаза: он признает идею бога как творца. В пятом подражании «Земля недвижна, неба своды...» лирический герой познает окружающий

мир уже другими глазами, он увидел в нем свидетельства творческой силы бога: «Земля недвижна, неба своды, // Творец, поддержаны тобой, // <...> Зажег ты солнце во вселенной, <...> // На небо насылает тучи; // Дает земле древесну сень». Так, всевышний «даровал» могучему откровение, которое изменило дальнейшее отношение человека к богу. Величие человека в том, что он способен признать силу бога, воплощенную в природе и человеке. Итак, пятое подражание занимает в цикле особое место: если в четвертом была измерена власть всевышнего, то в пятом подражании представлена воочию сила бога.

В шестом подражании «Недаром вы приснились мне...» в форме сна рассказывается о том, что путь к богу очень труден, а порой этот путь подобен жестокой и кровавой битве, которая, однако, всегда приносит победу тем, кто в ней участвует: «Вы победили: слава вам, // А малодушным посмеянье, // Они на бранное призванье // Не шли, не веря дивным снам».

Победить в себе безверие может тот, кто уверовал в благо «дивных снов» (но сам не испытал еще их благо). Это условие очень важное: без веры в «дивные сны» борьба бессмысленна. В этом подражании высвечена еще одна очень важная особенность горного пути: на нем не может быть попутчиков (не верующих «дивным снам»). По этому поводу в подражании дан четкий ответ: «Прельстясь добычей боевою, // Теперь в раскаянье своем // Рекут: возьмите нас с собою; // Но вы скажите: не возьмем». За бога в себе самом нужно самостоятельно каждому бороться и побеждать. К истине приходят только «сражавшиеся», то есть уверовавшие, поэтому не может к нему прийти тот, кто только смотрит на других и жаждет райской жизни за счет их сражения.

Состояние безверия (отсутствие веры в «дивные сны») А.С. Пушкину было знакомо. В Лицее, выполняя задание написать стихотворение на тему веры и безверия, поэт создал проникновенный образ странника, который в ранней юности беспечно, «безумно погасил отрадный сердцу свет» и снова начал искать в окружающем мире признаки божественного присутствия: «Напрасно вокруг себя печальный взор он водит: // Ум ищет божества, а сердце не находит». Безверие – это результат странствия в «долине дикой», неприятия нравственных законов и проявления пороков, о которых Пушкин размышлял во втором, третьем и четвертом подражаниях Корану.

С душевной тоскою лирический герой раскрывает свое внутреннее смятение: «...внемлите брата стон. // Несчастный не злодей, собою страждет он. // Кто в мире усладит души его мученья? // Увы! Он первого лишился утешенья!». Так, упование человека только на собственные силы – сердца ли, ума ли – рано или поздно приводит его к пониманию, что не все подвластно ему в этом мире, что он не всесильный. Такое осознание подвигает человека к поиску той силы, которая не явлена ему, но о которой он знает. И рано или поздно человек ее находит: «Ищите, и обрящете».

В седьмом подражании «Восстань, боязливый ...» воссоздана поэтическая картина пребывания человека в ночи (что синонимично состоянию безверия). Вера в «дивные сны» укрепляется с помощью молитвы, поддержания диалога с богом. «Коммуникация» наиболее продуктивна, когда эфир свободен от лишних звуков, отсюда столь важна ночная молитва, которая обращена к свету-истине: «До утра молитву// Смиренно твори// Небесную книгу до утра читай».

Содержание восьмого подражания логично вытекает из предшествующего: оно воспринимается как внутренний монолог молящегося в ночи путника. «Торгуя совестью пред бледной нищетою...» раскрывает самую важную характеристику воспринявшего божественную истину: он должен быть честен, искренен, должен отстраниться от земных страстей, так как «щедрота полная угодна небесам». На пути к горнему человек должен обрести внутри себя гармонию, которая является основой мироздания.

Девятое подражание «И путник усталый на бога роптал...» замыкает лирический цикл и, по законам цикла, должно быть сцеплено смыслами с восьмым подражанием и с первым. Как показали наблюдения, в предшествующих текстах поэт «рассказал» о трудном пути человека к богу, поэтому начальная фраза в девятом подражании вполне соотносима с предшествующим стихотворением.

На плоскости цикл «Подражания Корану» может быть представлен вписанным в окружность девятигранником. Первое и девятое переложения, замыкающие цепь, имеют общее связующее звено, которое, как нам кажется, обнаруживается уже на самом поверхностном уровне – событийном плане: в текстах подражаний читателям представлена речевая ситуация, в которой участвуют два лица. В первом подражании персонаж от имени «я» произносит для другого («ты») речь, в которой обрисовывает прошлое собеседника («Не я ль в день жажды напоил// Тебя пустынными водами?») и наставляет его на будущее («Мужайся ж,<...>// Стезею правды бодро следуй, // <...> мой Коран// Дрожащей твари проповедуй»). Таким образом, текст переложения формализован в монолог, направленный вовне, обращенном к адресату.

Последнее переложение содержит диалог, который обрамлен пространными описаниями. Предшествующие диалогу события свидетельствуют об усталом и страждущем путнике, который вдруг (чудесным образом!) «жадно холодной струей освежил// Горевшие тяжело язык и зеницы <...>». Потом он заснул на долгие годы, а пробудившись, услышал «неведомый глас», обращенный к нему. Последующие за диалогом события имеют более чудесную форму: «И чувствует путник и силу, и радость<...>// Вновь кладязь наполнен прохладною мглой.// <...> ветхие кости ослицы встают...». Необходимо понять причину чудесного превращения, чтобы понять идею всего текста и цикла в целом.

Чудесное преображение «мгновенного старика» и окружающего мира наступило после того, как его одолело горе и уныние, то есть в минуту отчаяния, вызванного услышанным и увиденным в момент пробуждения. Очевидно, что до этого путник находился в забвении (сне), которое он получил случайно (по воле «бога-изобретателя») в пустыне. На такое понимание указывает деталь – «холодная струя», которая соотносима с «холодным ключом забвения» из стихотворения Пушкина «Три источника». «Холодная струя» усладила взор и язык (речь) путника, он остановился на пути преодоления пустыни как бессмысленного бытия. Этот сладостный сон-забвение можно соотнести с поэтическим описанием мечты лирического героя М. Лермонтова из стихотворения «Выхожу один я на дорогу»: он мечтал заснуть не «холодным сном могилы», а пребывать в раю, признаками последнего в стихотворении выступают сладкий голос любви, сень дуба, душевный покой и умиротворение. В стихотворении «Поэт» Пушкин изображает сон-забвение как бездуховное состояние: «Пока не требует поэта// К священной жертве Аполлон, <...>// Молчит его святая лира;// Душа вкушает хладный сон...».

В пушкинском переложении не прояснены временные характеристики сна-забвения путника. Он сам уверен, что проспал сутки, а «неведомый глас» говорит, что прошли годы. Смысл явного расхождения в суждениях о времени сна может пояснить сюжет евангельской притчи, закрепившийся в народных легендах. Так, в легенде «Бедная вдова» повествуется об апостолах, которых Христос отослал к колодезю, но из него нельзя было пить: «там-то срамota, там-то сквернота». Потом «апостолы пришли к другому колодезю: там-то хорошо, <...> растут деревья чудесные, поют птицы райские, <...> а вода такая чистая, студеная да сладкая! – и воротились назад. «Что так долго не приходили?» – спрашивает их Спаситель. «Мы только напились, – отвечают апостолы, – да побыли там всего три минуточки». – «Не три минуточки, а целых три года, – сказал Господь. – Каково в первом колодезце, таково худо будет на том свете богатому мужику, а каково у другого колодезца, таково хорошо будет на том свете бедной вдове!» [5]. Отсюда следует, что на том свете обретают рай только те, кто преодолевает жизненные трудности и не теряет веру в добро как спасение. Тогда сон-забвение путника – это явленный «дивный сон» об истинности бога.

Бытийная ситуация встречи с чудесным в пустыне нашла отражение и в другом стихотворении Пушкина, которое соотносимо с легендой о библейском пророке: «Духовной жаждою томим,// В пустыне мрачной я влачился<...>// И бога глас ко мне воззвал:// <<...>Исполнишь волею моей...». Так, в 20-х годах Пушкин начал художественное исследование динамики человеческих устремлений, парадоксальность бытия.

В девятом подражании отсутствуют слова-наставления, которые произносит «бога глас» в стихотворении «Пророк». Но следует обратить внимание на одну деталь: Пушкин

использовал в тексте подражания знак треточия перед описанием преображения «мгновенного старика». Пропуск смысла может быть продиктован законами цикла: здесь нужно читателю вставить какой-то текст из других подражаний цикла. Безусловно, таким текстом может быть смежный с девятым первый текст, состоящий из монолога посланника бога, продиктовавшего пророку книгу мудрости, нравственные законы. Таким образом, первый текст может быть понят как составная часть девятого текста, объясняющая произошедшее в пустыне чудо: путник осознал поддержку бога и с ним (его наказом) отправляется снова в путь.

Общим местом в трудах пушкинистов является суждение о цикле «Подражания Корану» как реконструкции судьбы поэта-пророка. «Трудно сказать, произошло ли автобиографическое осмысление образа пророка в ходе работы А.С. Пушкина над Кораном, или поэт только после сочинения «Подражаний» стал проводить параллели между собственной судьбой и жизнью основателя ислама, но, независимо от творческой преднамеренности этих сближений и степени их серьезности, А.С.Пушкин имел неоспоримое право ассоциировать свой лирический облик с обликом пророка», – утверждал исследователь Н.В. Фридман [7].

В истории русской поэзии известен еще один поэтический цикл, который состоит из девяти текстов. Это цикл В. Набокова «Ангелы», в котором тоже прослеживается мотив судьбы поэта. Формально в нем отражена гармония и иерархия мироздания, сотворенного богом. Изображение ангельских чинов в цикле выстроено по нисходящей: от серафимов к ангелу-хранителю. В последнем стихотворении изображен лирический герой, который ненавидит «губительную жизнь свою»: ему явлен свет небесный (серафимов), но он не пронизывает его [4]. Думается, что этот цикл был написан под влиянием мысли о величии духовного опыта Пушкина, его божественном даре слова, чего Набоков не чувствовал в себе.

Стихотворения А.С. Пушкина также являются подражаниями сюжетам священной книги, в которой содержатся наставления для человеческого сообщества и для каждого человека в отдельности. Смысловая замкнутость (круг) цикла просматривается в ведущем мотиве: человек получает заветы от бога как знания, в жизненном пути подвергает критической проверке истинность этих знаний (роптать на бога, останавливаться в пути, засыпать), потом снова слушает и воспринимает слова бога и отправляется в путь с богом (верой). Это напоминает сакральный сюжет волшебных сказок о поисках невесты-жены (например, в сказке о Царевне-Лягушке), в котором выделяются пороговые этапы в жизни: имею – теряю – имею. В волшебных сказках торжество метафизической идеи о силе жизни, преодолевающей смерть, обусловлено опытом человечества, который духовная культура возвела в эстетический закон победы добра над злом. Так, путь человека к богу в

художественном восприятии Пушкина может быть соотнесен с бытийным сюжетом мирового эпоса.

Список литературы

1. Белый А. Предисловия в сборнике «Стихотворения» – 1923, Берлин // Белый А. Стихотворения и поэмы. – М.; Л., 1966. – С. 550.
2. Лобарева В.С., Бахор Т.А., Кашпур О.А. Контекст как путь понимания произведения А.С. Пушкина // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 5. URL: www.science-education.ru/111-10717 (дата обращения: 07.07.2014).
3. Лобарева В.С. «Славянский» вопрос в творчестве А.С. Пушкина // Теория и история: Научный журнал. – Красноярск: Изд-во СИБУП, 2007. – № 1. – С.22-34. (Авторские комментарии переписки Пушкина с П. Вяземским и В. Жуковским.)
4. Набоков В. Ангелы // Ангелом задетый: Стихи / Сост. и вступ.ст. Я. С. Марковича. – М.: СП «Вся Москва», 1990. – С.57.
5. Народная проза / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С.Н. Азбелева. – М.: Сов. Россия, 1992. – С. 530. – (Библиотека русского фольклора).
6. Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. – М.: Правда, 1981. («Подражания Корану» и другие произведения Пушкина цитируются по этому изданию без указания страниц.)
7. Фридман Н.В. Образ поэта-пророка в лирике Пушкина // Ученые записки МГУ. Вып. 118. Труды кафедры русской литературы. Кн. 2. – 1985. – С. 90.

Рецензенты:

Васильева С.П., д.фил.н., профессор, зав. кафедрой общего языкознания Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.

Анисимов К.В., д.фил.н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы Сибирского федерального университета, г. Красноярск.